

ОБ ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТИ ФУНКЦИЙ МУСТЬЕРСКИХ ОРУДИЙ

(по материалам Кавказа)

ГРАЧЬЯ КАЗАРЯН

В настоящее время правомерность выделения археологических культур в мустьерское время признается большинством исследователей первобытности. Это положение оспаривается, пожалуй, лишь А. А. Формозовым¹. Локальные образования типа археологических культур (вариантов мустье) выделены во Франции², на Ближнем Востоке³, на территории Русской Равнины и Крыма⁴. Точку зрения относительно выделения локальных вариантов в мустьерской культуре вообще, и в частности для региона Средней Азии, разделяет и В. А. Ранов⁵. Первые проявления местных различий в нижнепалеолитической культуре Кавказа в виде отдельных индустрий и групп территориально обособленных сходных памятников (археологических культур) прослежены и установлены В. П. Любиным⁶. К первоначально выделенным им двум мустьерским культурам, — хостинской⁷ и кударской⁸, — в дальнейшем были присовокуплены цхинвальская и губская⁹.

Какова же историческая реальность, выражаемая определенными археологическими культурами? Для поздних периодов первобытности обычно предполагается, что локальные образования такого типа оставлены этнически единой группой населения¹⁰. Что же касается общепри-

¹ А. А. Формозов, Развитие локальных вариантов и спорные проблемы этнокультурной истории каменного века («Успехи Среднеазиатской археологии» (УСА), 1972, вып. 2, стр. 12—14); его же, Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР, М., 1977, стр. 21, 25 и сл.

² F. Bordes, Mousterian Cultures in France, Science, t. 134, № 3482.

³ Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens, Л., 1968, стр. 9—22.

⁴ В. Н. Гладилли, Проблемы раннего палеолита Восточной Европы, Киев, 1976, стр. 92—119.

⁵ В. А. Ранов, О некоторых вопросах, связанных с выделением локальных вариантов (фаций) в эпоху палеолита (УСА, 1972, вып. 2, стр. 7—14).

⁶ В. П. Любин, О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите (по материалам Кавказа) (УСА, 1972, вып. 2, стр. 19—29).

⁷ В. П. Любин, Мустьерская культура на Кавказе («Тезисы докладов, посвященные итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР», Тбилиси, 1971, стр. 11—14).

⁸ В. П. Любин, Ранний палеолит Кавказа («Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР», М., 1969, стр. 169); его же, Мустьерские культуры Кавказа, М., 1977, стр. 13—96.

⁹ В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 96—190.

¹⁰ Ю. М. Захарук, Проблемы археологической культуры, Археология, т. 17, Киев, 1964, стр. 12—41.

пятого до недавнего времени положения о том, что родо-племенная организация возникла не ранее начала верхнего палеолита, то оно ныне оспаривается все большим числом исследователей. Так, А. Н. Рогачев считает, что «...процесс возникновения производства и развития социальных семейно-родовых отношений... совершался в раннем и среднем палеолите. Процесс отмирания стадных отношений должен был полностью завершиться к началу мустьерского времени»¹¹. Анализ вариантов мустьерской культуры во Франции и на Ближнем Востоке позволил Г. П. Григорьеву с уверенностью говорить о существовании племенного строя в мустьерское время¹². Первоначально осторожный подход к интерпретации локальных вариантов мустьерской культуры Кавказа¹³, свойственный недавним работам В. П. Любина, в дальнейшем был заменен более четкой позицией автора. Термин «археологическая культура» применяется им не только как понятие территориальное, хронологическое и генетическое¹⁴, но и как социальное и этническое¹⁵. Таким образом, большинство исследователей за локальными образованиями мустьерской культуры видят определенные общности людей, обладающих устойчивыми особенностями культуры (традиции в обработке камня), а также сознанием своего единства (самосознанием) и отличия от других таких же человеческих групп¹⁶. Так как эти явления, которые наряду с подразумеваемым единством языка и психики есть основные свойства этноса в узком значении (этникоса)¹⁷, то существование таковых в мустьерское время по всей вероятности уже имело место.

Общеизвестно, что основным, часто единственным источником для изучения этнической истории ранних этапов первобытности является каменный инвентарь. Правда, до недавнего времени были попытки оспаривать пригодность каменных орудий для этнической интерпретации археологических культур¹⁸. Однако в настоящее время эта проблема в целом

¹¹ А. Н. Рогачев, Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества («Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР», стр. 185).

¹² Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита..., стр. 147. Правда, в более поздней работе он менее категоричен; его же, К методике установления локальных различий в палеолите (УСА, 1972, вып. 2, стр. 18).

¹³ В. П. Любин, Ранний палеолит Кавказа, стр. 168.

¹⁴ В. П. Любин, О проявлениях локальных различий..., стр. 25.

¹⁵ В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 203.

¹⁶ Г. П. Григорьев, Первобытное общество и его культура в Мустье и начале верхнего палеолита («Природа и развитие первобытного общества на территории Европ. части СССР», стр. 199—202); В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 202, 203.

¹⁷ Ю. В. Брюмлей, К характеристике понятия этнос («Расы и народы», т. 1, М., 1971, стр. 27); его же, К типологизации этнических процессов («Проблемы типологии в этнографии», М., 1979, стр. 4).

¹⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР («Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 29, 1952, стр. 67—70).

В. П. Третьяков, Неолитические племена Волго-Окского Междуречья (автореф. канд. дис., Л., 1966, стр. 6, 7).

может считаться решенной положительно как для развитых¹⁹, так и для ранних²⁰ стадий первобытности. Для нашего же исследования важнее отметить существующие разногласия в решении такого вопроса, как степень этнокультурной специфичности той или иной характеристики каменных индустрий. Так, например, А. Н. Рогачев считает, что «формы орудий наиболее четко выражают их этнические особенности», технике же изготовления орудий (первичной и вторичной) менее присуща этническая нагрузка²¹. По мнению Н. Д. Праслова, при изучении сходства и различий памятников из общего контекста форм необходимо выделять особую область морфологически специфических изделий, не являющихся необходимым массовым результатом обработки камня²². Генетическое сходство индустрии И. И. Коробков видит «в общности самой идеи оформления орудий»²³. При выделении археологических культур, Г. П. Григорьев акцентирует внимание на типологической характеристике каменных индустрий²⁴. Наконец, В. П. Любин, критически подойдя к разработанной Ф. Бордом методике исследования нижнепалеолитических каменных орудий²⁵, указал на необходимость анализа всех без исключения характеристик каменного инвентаря-типологии, техники первичного расщепления и техники вторичной обработки²⁶. При этом он совершенно справедливо исходит из положения о том, что «все слагаемые какой-либо индустрии содержат искомую этноспецифическую информацию», что этноспецифическая значимость каменных изделий отражена как в форме, так и в способах их обработки²⁷.

Таким образом, при этнокультурном разграничении нижнепалеолитических памятников в качестве диагностических (правда, с той или иной акцентировкой) используются лишь технико-типологические показатели каменных индустрий. В то же время, несмотря на неоднократность констатации важности триединого (технического, морфологического и функ-

¹⁹ А. А. Формозов, Этнокультурные области на территории европейской части СССР, М., 1959, стр. 14—20; его же. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? («Советская археология», 1957, № 4, стр. 66—74); Г. Ф. Коробкова, Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии («Советская археология», 1975, № 3 стр. 8).

²⁰ А. Н. Рогачев, Каменные орудия как исторический источник («Краткие сообщения Института археологии АН СССР», далее — КСИА, № 137, стр. 14—21); В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 8 и сл.

²¹ А. Н. Рогачев, Каменные орудия как исторический источник, стр. 20—21.

²² Н. Д. Праслов, Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона, Л., 1968, стр. 141.

²³ И. И. Коробков, Итоги пятилетних исследований Яшгукского палеолитического местонахождения («Советская археология», 1967, № 4, стр. 205).

²⁴ Г. П. Григорьев, К методике установления..., стр. 16—18.

²⁵ В. П. Любин, К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий (МИА, № 131, 1965, стр. 7—75).

²⁶ В. П. Любин, О проявлениях локальных различий..., стр. 27, 28.

²⁷ В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 9, 203 и др.

ционального) подхода к анализу каменных орудий²⁸, при решении задач этнокультурного характера функциям изделий придается второстепенное значение²⁹. Данные о функциональном назначении орудий используются или для объяснения вариативности индустрий различиями функционального характера (функции орудий при этом устанавливаются методом традиционного типологического анализа)³⁰, или же (используя экспериментально-трассологический метод, устанавливающий конкретные функции изделий) в основном для формулирования общих закономерностей развития первобытной техники³¹ и выявления особенностей хозяйственно-производственной деятельности людей на конкретных мустьерских памятниках³². Последнее выражается в количественных функциональных различиях мустьерских комплексов и есть явление социоэкономического, а не этнокультурного ранга. В то же время качественно отличающиеся друг от друга функции орудий (устойчиво повторяющиеся разные приемы работы в рамках одного способа обработки группы близких по своим физическим свойствам материалов), вероятнее всего, также могут выступать в качестве этнического признака.

Теоретической предпосылкой для такого предположения служит подход к феномену человеческой деятельности как к социальной по своей природе и единой в своей многогранности активности людей. Деятельность мустьерского человека не ограничивалась лишь материально-производственной практикой, а последняя, в свою очередь, не сводилась лишь к сфере изготовления каменных орудий. Не вызывает сомнения, что с самых ранних этапов становления человека в его орудийном арсенале, наряду с каменными орудиями, немаловажную роль играли также предметы, изготовленные из дерева (кости). Культурный традиционализм

²⁸ А. И. Рогачев, Каменные орудия как исторический источник, стр. 15.

²⁹ Там же, стр. 20, 21; В. П. Любим, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 9.

³⁰ A. R. Binford, L. R. Binford, A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies, (AA, 1966, V, 68, № 2, 238—295). И. И. Коробков, К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа) («Доклады и сообщения археологов СССР на VII междунар. конгр. допст. и протонст., М., 1966, стр. 5—13); его же, К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. («Палеолит и неолит СССР», т. 6, М.—Л., 1971 (МИА, № 173), стр. 61—99); М. М. Мансуров, К вопросу о типологии тейякско-зубчатых индустрий («Палеолит и неолит СССР», т. 7, Л., 1972 (МИА, № 185), стр. 55—67).

³¹ С. А. Семенов, Развитие техники в каменном веке, Л., 1968.

³² Н. Д. Праслов, С. А. Семенов, О функциях мустьерских кремневых орудий из стоянок Приазовья (КСИА, вып. 117, 1969, стр. 13—21); Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов, Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван» (КСИА, вып. 126, 1971, стр. 32—36); В. Е. Щелнский, Производство и функции мустьерских орудий (по данным экспериментального и трассологического изучения) (автор. канд. дисс., Л., 1974); его же, Трассологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье (КСИА, вып. 141, стр. 51—57).

должен выразиться в устойчивом стереотипе операций по обработке не только камня, но и других сырьевых материалов. С другой стороны, известно, что в этническом отношении компоненты культуры, относящиеся к сфере потребления (бытовая культура), в целом более показательны, чем культурные элементы производственной сферы³³. Однако в первобытном обществе в силу сплоченности, взаимосвязи этих сторон человеческой деятельности практически очень многие элементы культуры, относящиеся, в частности, к сфере производства, могут выступать в качестве этнического символа³⁴. Поэтому поиск этнических знаков в области такой отрасли первобытного производства, как обработка дерева, правомерен. Более того, как нам кажется, сфера производства деревянных предметов в этническом отношении может даже оказаться более показательной, чем сфера изготовления орудий из камня. При этом мы исходим из того факта, что определенная часть каменных предметов служила в качестве «орудий для изготовления орудий», в то время как деревянные изделия в подавляющем большинстве своем непосредственно являлись элементами хозяйственно-бытовых компонентов культуры.

Каковы же свидетельства изготовления деревянных предметов формирующимися людьми? Единственным таким источником служат каменные орудия труда, так как деревянные предметы не сохранились или дошли до нас в редчайших случаях. Причем, производственная деятельность мустьерцев по обработке дерева отражена в функциях каменных орудий, «опредмеченных» и дошедших до нас в виде определенных комплексов признаков изнашивания, выявляемых трасологическим анализом и позволяющих реконструировать производственный процесс изготовления деревянных предметов. Для нашего исследования первостепенное значение имеет заключительная стадия обработки дерева, когда отделенной от общей сырьевой массы заготовке придавалась требуемая форма. Именно здесь могли существовать разные устойчивые приемы работы в рамках одного и того же способа обработки дерева. Чисто условным «целевым» аналогом этого производственного этапа является стадия вторичной обработки камня, разнообразные устойчивые приемы и типы которой (стиль обработки), как известно, могут иметь этническую нагрузку. Что же касается форм деревянных изделий, то их реконструкция, в настоящее время, возможна лишь в самых общих чертах, более того, она имеет преимущественно вероятностный характер. Таким образом, вырисовывается зона поиска традиционных стереотипов операций по обработке дерева, — область «вторичной» ее обработки, — этноспецифичность которых предстоит доказать.

Первые конкретные факты, свидетельствующие о существовании такого технологического стереотипа, прослеживаются в результате уста-

³³ С. А. Арутюнов, Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре (автореф. докт. дис., М., 1970, стр. 13—14).

³⁴ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, стр. 75.

появления конкретных функций орудий из мустьерских комплексов Кавказа экспериментально-трасологическим методом. Так, мустьерские стоянки в Монашеской пещере на Северном Кавказе, с одной стороны, и в Ереванской и Лусакертской пещерах в Армении — с другой, иллюстрируют разительное качественное функциональное отличие. Последнее устанавливается в рамках функциональной категории скобляще-строгающих орудий, использованных при обработке твердо-волокнистых веществ (дерево, кость), и сводится к четкому разграничению устойчивых приемов, применявшихся обитателями первой и двух других стоянок в пределах одного и того же способа обработки дерева и кости — скобление в Монашеской и строгание в Ереванской и Лусакертской пещерах.

Изучение функций орудий из мустьерской Монашеской (Губской) стоянки трасологическим методом позволило выявить 34 кремневых изделия со следами изнашивания от работы³⁵. Из них 15 экземпляров (44,1%) функционально являются скобелями³⁶. Строгальных орудий не обнаружено. Если же учесть, что из десяти выделяемых автором ножей³⁷ определенная часть, скорее всего, была использована для резания твердо-волокнистых материалов³⁸, то выясняется, что, вероятно, более половины функционально определимых орудий из мустьерских слоев этой пещеры связано с обработкой дерева (кости).

Экспериментально-трасологическое изучение функций орудий из мустьерских комплексов Еревана-1 и Лусакерта-1³⁹ было проведено нами в стенах лаборатории первобытной техники Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1977—78 гг. Исследованы выборочные коллекции обсидиановых изделий — свыше 1000 экземпляров с каждого памятника. Комплексы следов изнашивания от различных видов работы установлены впервые на существенном количестве обсидиановых орудий — 227 из Ереванской и 183 из Лусакертской пещер⁴⁰, из коих соответственно (105/42%) и (145/80%) изделий были использованы для обработки твердо-волокнистых материалов операциями резания (пиления) и строгания. Что же касается операции скобления, то такой прием

³⁵ В. Е. Щеллинский, Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прпкубанье, стр. 52.

³⁶ Там же, стр. 56.

³⁷ Там же, стр. 54.

³⁸ Исходя из положения, что «следы от резания мяса и дерева не всегда отличаются друг от друга» (там же, стр. 53), В. Е. Щеллинский не производит разграничения ножей по мягким и твердым материалам.

³⁹ Из Еревана-1 и Лусакерта-1 отобраны изделия соответственно из всех семи и из верхних четырех (А, В, С, С1), относящихся, собственно, к мустьерскому (вюрмскому) времени, слоев.

⁴⁰ Различные виды повреждения обсидианов существенно препятствуют функциональному анализу орудий.

сработки дерева в техническом арсенале местных мустьерцев, вероятнее всего, полностью отсутствовал⁴¹.

Объем настоящей статьи не позволяет нам подробно остановиться на функциональной классификации интересующих нас строгальных орудий⁴². Отметим лишь, что используемая номенклатура орудий этой категории имеет чисто функциональную нагрузку, несмотря на то, что признака признаков, положенных в основу классификации, двойка — морфологическая и функциональная. На нижнем классификационном уровне нами выделено четыре функциональных типа строгальных орудий — боковые простые, поперечные простые, поперечно-концевые и боковые-концевые струги (рис. 1). Большая часть орудий первых двух типов, весьма близких по ряду показателей, применялась для обработки округлых в сечении заготовок относительно малого диаметра — изготавливались древки рогатин, копий, дротиков, возможно, наконечники из твердых пород дерева, орудия для копания и т. д. (рис. 1, 3, 5, 7, 8, 9).

Некоторые же экземпляры, в особенности боковые-простые струги, укороченных пропорций и поперечные-простые струги, могли быть использованы также при обработке широких уплощенных или слабовогнутых поверхностей. Целый ряд технико-морфологических и функциональных признаков орудий, образующих два других функциональных типа, позволяет отнести их к разряду специализированных. Что же касается функционального назначения орудий, относящихся к первому из них — поперечно-концевые струги, которые по праву могут быть названы стамесками (рис. 1, 4), — то нужно отметить, что, вероятнее всего, они использовались для изготовления вогнутых поверхностей, полостей и широких пазов в деревянных заготовках. Функциональным аналогом этого типа орудий в рамках операции скобления является резчик-скобель⁴³. Если в мустьерских комплексах Ереванской и Лусакертской пещер стамески представлены целыми сериями (соответственно 9 и 11 экземпляров), то впервые выделяемая нами функциональная разновидность концевых-боковых стругов представлена в инвентаре этих стоянок пока лишь единичными экземплярами — фрагментированное конвергентное скребло из Еревана-1 (рис. 1, 2) и асимметричный мустьерский остроконечник из Лусакерта-1 (рис. 1, 6). Форма активного элемента, место и характер локализации следов изнашивания на нем позволяют предположить, что эти

⁴¹ Следы изнашивания, характерные для скобления дерева (кости), установлены на единичных обсидианах из обеих стоянок. Причем, комплекс признаков изнашивания на этих изделиях представлен, как правило, не полностью (например, наличие на крас характерной для скобелей многоступенчатой мелкой выкрошенности при полном отсутствии линейных следов на кромке и слабой выраженности зубчатости линии края в плане), что ставит под сомнение правомерность отнесения этих орудий к классу скобелей.

⁴² Проведенные автором функциональные разработки более детально будут приведены в специальных статьях, посвященных функциям орудий из мустьерских комплексов Еревана-1 и Лусакерта-1.

⁴³ В. Е. Щелпский, Трасологическое изучение..., стр. 57.

орудия были использованы для изготовления узких пазов и желобков в деревянных заготовках.

Таким образом, существенный процент орудий, занятых в деревообрабатывающей отрасли производства, иллюстрирует широту изготовления деревянных предметов на всех трех сравниваемых стоянках. Более того, если единичный экземпляр резчика-скобеля из коллекции Монашеской пещеры дает возможность лишь предположить известную развитость формы применения здесь дерева⁴⁴, то наличие в мустьерских комплексах Ерсвана-1 и Лусакерта-1 двух специализированных функциональных типов орудий, один из которых представлен целой серией изделий (стамески), служит достаточно весомым признаком определенной развитости деревообрабатывающей отрасли производства на этих стоянках.

Интерпретация факта устойчивого повторения качественно различных приемов работы в пределах одного способа обработки дерева (кости), выявленного в хозяйстве обитателей определенных мустьерских поселений, влиянием хозяйственного, природного факторов или же особенностями технико-морфологического характера этих индустрий (индустриальный фактор) нам представляется неправомерной. Во-первых, сравниваемые памятники весьма близки по своему хозяйственно-производственному профилю — долговременная стоянка-мастерская (Монашеская)⁴⁵ и Лусакерт-1⁴⁶ и базовый лагерь (Ереван-1)⁴⁷. Более того, как было показано выше, индустрии эти аналогичны по определенным чертам хозяйственно-производственной деятельности их носителей — широкое применение и развитость деревообрабатывающей отрасли производства. Во-вторых, некоторые палеографические особенности в эпоху отложения отдельных мустьерских слоев этих пещер, в частности различия в степени лесистости окружающего ландшафта и в составе древесных пород, скорее всего, являются второстепенными факторами, что хорошо иллюстрируется на примере Ереванской стоянки. Здесь, несмотря на довольно существенные физико-географические изменения на всем протяжении времени образования слоев этой пещеры⁴⁸, количество орудий, связанных с обработкой дерева (кости) в разных слоях, в целом изменяется слабо, функциональная же характеристика этих орудий остается постоянной — наряду с резанием применяется лишь операция строгания. То же можно сказать о влиянии такого фактора, как форма изготавливаемых деревянных предметов, так как вне зависимости от степени сложности последних устойчивость определенных приемов обработки дерева (кости) на этих стоянках сохраняется. Не столь большое значение имеет также сырьевое различие этих индустрий — кремень в Монашеской и обсидиан в

⁴⁴ Там же, стр. 56, 57.

⁴⁵ В. П. Любим, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 148.

⁴⁶ Б. Г. Ерицян, Новая нижнепалеолитическая пещерная стоянка Лусакерт-1 (Армения), (КСИА, № 141, М., 1975, стр. 50).

⁴⁷ Б. Г. Ерицян, Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа (автореф. канд. дисс., М., 1970, стр. 9, 10, 31).

⁴⁸ Б. Г. Ерицян, Ереванская пещерная стоянка..., стр. 10—13.

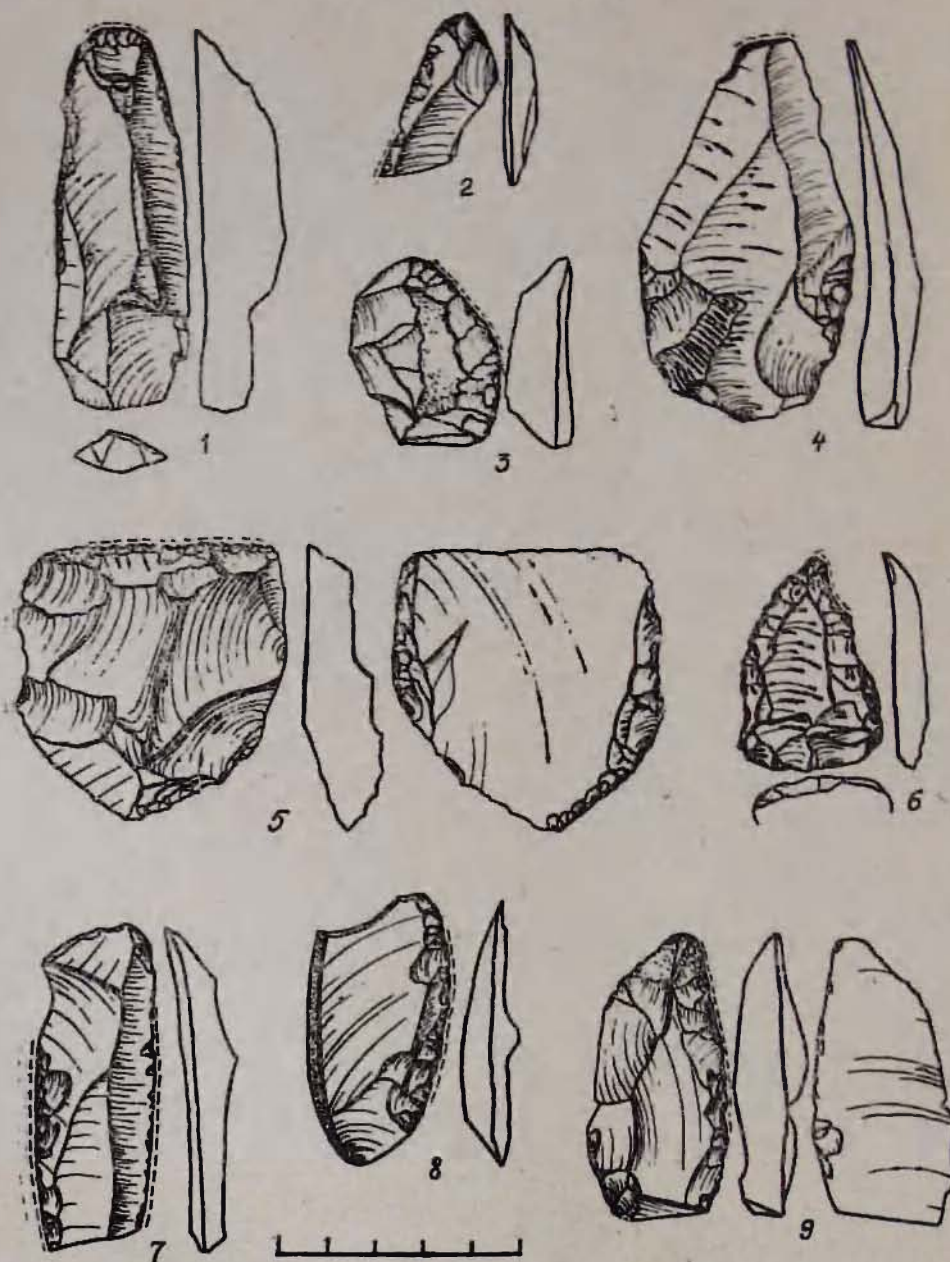

Рис. 1,4—Поперечно-концевые струги (стамески), 2,6—Боковые концевые струги, 5—Поперечный простой струг, 3,7,8,9—Боковые простые струги, 1,5,6,7,8—из Лусакерта—1, 2,3,4,9—из Еревана—1.

Ереванской и Лусакертской пещерах. Проведенные нами сравнительные эксперименты показали, что несмотря на различия физических свойств этих сырьевых материалов, в частности на большую хрупкость и меньшую твердость обсидиана по сравнению с кремнем, экспериментальные скобели одинаковых параметров, изготовленные из обеих пород камня, в равные промежутки рабочего времени изнашиваются в целом одинаково. Нужно отметить, что результаты наших опытов совпадают с аналогичными данными, полученными в ходе экспериментов, проведенных В. Е. Щелинским⁴⁹. В-третьих, как показали проведенные нами обширные серии экспериментов, независимо от особенностей обрабатываемого материала (различия в породах древесины, в степени сучковатости, сухости и т. д.), операция строгания по целому ряду показателей (производительность, эффективность, быстрота выхода рабочего края из строя, качество работы и т. д.) в среднем в несколько раз превосходит операцию скобления. Установлено также, что в качестве скобелей могут быть использованы по существу любые заготовки с острым рабочим краем, в то время как при строгании наиболее эффективны изделия с тонким (угол заострения лезвия менее 60°) и с относительно большой протяженностью рабочими краями. Отметим, что мустьерские индустрии Монашеской пещеры и армянских стоянок, базирующихся соответственно на мустеро-призматической и мустеро-леваллуазской техниках раскалывания камня, характеризуются обилием достаточно качественных заготовок и орудий, вполне пригодных для использования их в качестве строгальных орудий труда. Интересно, что именно в Монашеской пещере, наиболее показательной в этом отношении, установлена традиция обработки дерева приемом скобления.

Чем же тогда объясняется устойчивость, повторяемость определенных приемов обработки дерева на отмеченных нижнепалеолитических стоянках? Анализ каменного инвентаря определенного круга индустрий, как известно, привел ряд исследователей к выводу, что в коллективной памяти определенных человеческих общностей, обладающих самосознанием и исключительно сильным чувством своего отличия от других подобных общностей (антитеза «мы», «они») и поэтому остающихся социально чуждыми друг другу, бережно хранились и передавались из поколения в поколение накопленные и эмпирически многократно проверенные достижения культуры, в частности, в области производства⁵⁰. Отражением именно такой замкнутости, отчужденности обитателей отмеченных нами стоянок и объясняется, скорее всего, прослеживаемая здесь традиционность некоторых приемов обработки дерева, являющихся, по видимому, не чем иным, как компонентом присущих данной индустрии

⁴⁹ В. Е. Щелинский, Экспериментально-трассологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий («Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы», Л., 1977, стр. 190).

⁵⁰ В. П. Любин, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 203; Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита..., стр. 145, 146, 159—161.

общих технологических канонов изготовления как каменных орудий, так и изделий из других сырьевых материалов.

Для того, однако, чтобы считать доказанной возможность этнической нагрузки отмеченных нами устойчивых приемов обработки дерева, необходимо также показать массовый характер этой отрасли производства, т. к. «наиболее «этнический» (этнографичный) слои культуры... определяется двумя основными параметрами: наиндивидуальностью (коллективностью, массовостью) и устойчивостью (традиционностью, повторяемостью)»⁵¹. Наиндивидуальность изготовления деревянных орудий в нижнепалеолитическое время вообще, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Более того, вероятно, эта сфера производства с рассматриваемой стороны более показательна, чем область изготовления каменных орудий. Основой для такого предположения служит то, что в силу несомненно большей простоты и доступности всего комплекса операций по обработке дерева, возможно, что изготовление деревянных орудий, во всяком случае тех форм, которые использовались в домашнем хозяйстве (палка-копалка и т. д.), не было абсолютной привилегией мужской части определенных групп людей. Иными словами, поло-возрастное разделение труда в области обработки дерева, скорее всего, могло проявляться менее четко, чем в сфере изготовления каменных орудий. Это предположение общего порядка. Что же касается конкретно рассматриваемых мустьерских стоянок, то выше уже было отмечено, что в производственной деятельности их обитателей большое место занимало изготовление деревянных предметов. Таким образом, оба обязательных условия (наиндивидуальность и традиционность), позволяющие говорить о возможности привлечения конкретных данных функционального характера в качестве этнических признаков, соблюдены. Однако, касаясь данного конкретного случая, трудно утверждать, что отмеченные традиционные приемы обработки дерева в Монашеской и армянских пещерах безоговорочно этноспецифичны. Дело в том, что этнознаковая функция не является внутренним свойством даже тех элементов культуры, которые в силу определенных своих параметров (традиционность и массовость) могут служить этническим символом. «Этнические знаки существуют не сами по себе, а лишь тогда, когда они отличают одну этническую общность от другой». При этом, этноспецифика таких культурных явлений проявляется лишь при условии контактов между этносами⁵². Иными словами, если устойчивость и наиндивидуальность являются необходимым условием этноспецифичности определенного культурного явления, то наличие контактов между сравниваемыми этническими общностями есть достаточное условие его этнознаковой функции. Наличие же контактов между носителями определенных культур в первобытности доказуемо в основном лишь установлением диффузионных явлений. Однако свидетельства культурных связей между населением конкретных районов европейской части СССР в палеолитическое время в целом ма-

⁵¹ Ю. В. Бромлей, *Этнос и этнография*, стр. 71.

⁵² Там же, стр. 66.

лечисленны⁵³. Что же касается явлений диффузии в мустье Кавказа, то таковые единичны⁵⁴. Конкретные же факты, иллюстрирующие контакты между носителями определенных археологических культур и индустрий, в частности, между обитателями Монашеской пещеры и армянских стоянок, пока не установлены. Поэтому, как нам кажется, на настоящем уровне наших знаний, говорить о безусловном этническом своеобразии установленных нами устойчивых приемов обработки дерева на этих стоянках неправомерно. Более того, вследствие отсутствия фактов, свидетельствующих о контактах между носителями большинства выделяемых на Кавказе археологических культур (за исключением лишь пары кударской и цхинвальской культур, связи между носителями которых в силу их территориальной близости вполне вероятны), говорить о безусловной этноспецифичности даже такого компонента «опредмеченной» культуры, как каменный инвентарь, думается, необходимо с известной оговоркой.

У специалистов могут возникнуть определенные сомнения относительно потенциальных возможностей данных функционального характера в рассматриваемом аспекте. Ведь возможное число качественно разных приемов обработки дерева, в силу известной неразвитости первобытной техники и культурной конвергентности, ограничено. В результате дальнейших исследований может быть установлен факт общности определенных приемов работы у носителей какого-то числа индустрий и культур. Такой технологический стереотип (устойчивость применения приема строгания) уже установлен у мустьерских обитателей армянских стоянок Ереван-1 и Лусакерт-1. В этой связи уместно отметить следующее. Во-первых, неправомерно сводить культуру определенных этнических образований лишь к совокупности их отличительных особенностей. «Абсолютных», т. е. присущих только лишь одному этносу, культурных явлений очень мало⁵⁵. В силу ряда обстоятельств наиболее показательны в этом отношении именно нижнепалеолитические этнокультурные общности. Необходимо всегда помнить, что «в конечном счете этнос характеризует все его культурное достояние»⁵⁶. Наиболее же полное, всестороннее и одновременно целостное изучение культурного наследия этнокультурных общностей формирующихся людей чрезвычайно важно для освещения таких вопросов, как их генезис, развитие, взаимовлияние и т. д. Во-вторых, нужно отметить, что функции нижнепалеолитических орудий, в результате ряда объективных и других причин, в настоящее время изучены очень слабо. В этой связи на первый план выступает необходимость более интенсивного изучения функций орудий определенных мустьерских индустрий, археологических культур и культурных областей, что позво-

⁵³ Г. П. Григорьев, К различению признаков генетического родства, диффузии и синхронности (по материалам палеолита) («Доклады и сообщения археологов СССР на VII Междунар. конгр. доист. и протост.» М., 1966, стр. 29—30); А. А. Формозов, Проблемы..., стр. 31.

⁵⁴ В. П. Любим, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 202.

⁵⁵ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, стр. 63—65.

⁵⁶ Там же, стр. 64.

лит не только умножить данные, касающиеся отмеченных в нашей статье качественно разных функций орудий, занятых в обработке дерева, но и выявить новые устойчивые приемы обработки как дерева (кости), так и других сырьевых материалов.

Привлечение конкретных функций мустьерских орудий в качестве этнического признака может открыть новые большие возможности для реконструкции этнокультурного прошлого населения как Кавказа, так и других регионов. Иные элементы культуры (жилища, очаги, изделия из кости и рога, орнаментации последних, произведения искусства и т. д.), неоднократно отмечаемые в литературе в качестве «потенциально этнических»⁵⁷, обычно уникальны даже на позднепалеолитических памятниках. В отложениях же мустьерского возраста они являются еще большей редкостью. Что же касается функций орудий, то разработанный С. А. Семеновым экспериментально-трассологический метод уже сейчас дает возможность установления конкретных функций многих изделий мустьерского времени, особенно из непотревоженных слоев. С дальнейшей же разработкой и совершенствованием методики трассологического изучения каменных орудий нижнепалеолитический «функциональный» материал безусловно станет более массовым.

В заключение подчеркнем, что основной целью в данной статье было показать, что конкретные функции мустьерских орудий могут служить не только для реконструкции социально-экономических сторон жизни формирующихся людей, но и, вероятно, могут быть привлечены в качестве важных, правда, дополняющего характера, фактов для наиболее целостной реконструкции и осмысления таких сложнейших процессов, как этно- и культурогенез мустьерского населения отдельных областей ойкумены, в частности, Кавказа.

**ՄՈՒՍՏԵՐՅԱՆ ԳՈՐԾԻՔՆԵՐԻ ՖՈՆԿՑԻԱՆԵՐԻ
ԷԹՆՈՅՈՒՐԱԶԱՏԿՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ**

(ըստ Կովկասյան նյութերի)

ՀՐԱՋԱ ՂԱԶԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո ս մ

Քարե գործիքների կոնկրետ ֆունկցիաները որոշող փորձարարական-հետաքննական մեթոդը հնարավորություն է ընձեռում բացահայտելու նրան—1, Լուսակերտ—1 և Մոնաշենկայա քարայրներից մուստյերյան գործիքների ֆունկցիոնալ-որակային ակնհայտ տարբերությունները տաշող և քերող գործիքների ֆունկցիոնալ կատեգորիայի սահմաններում: Որոշակի ինդուստրիաներին և հնագիտական մշակույթներին բնորոշ ախտաբանական նույնակերպությունների բացահայտումը թույլ է տալիս տարբերելու պալեոլիթյան գործիքներում պարփակված կարևոր էթնոմշակութային ինֆորմացիան: Քարե գործիքներին վերաբերող տվյալները կարող են չափանիշ լինել ինդուստրիաների և հնագիտական մշակույթների էթնիկական յուրահատկությունը որոշելու համար:

⁵⁷ В. П. Любим, Мустьерские культуры Кавказа, стр. 203.